

СТРАНОВОЙ АНАЛИЗ COUNTRY-SPECIFIC CASE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-4-816-832
EDN: GCNMMZ

Научная статья / Research article

Эволюция традиционной власти вождей в политическом управлении Ганы: исторический опыт и современный контекст

Н.А. Медушевский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Lucky5659@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу института традиционной власти племенных вождей, в современной Гане. Несмотря на то, что их политическое влияние менялось с течением истории, вожди в Гане до сих пор являются политически авторитетными фигурами, влияют на избирательный процесс, распоряжаются землями племени и реализуют локальные, нормативно не урегулированные, формы управления сообществом и судопроизводством в роли «мирового судьи». Подобная роль вождей в обществе ставит проблему их политической включенности в систему управления разных уровней и их статуса как инфлюэнсеров в рамках избирательных кампаний. В связи с этим целью работы становится изучение современной политической роли вождей в системе социально-политических отношений в Гане с акцентом на историческую трансформацию их роли в постколониальный период. Методология исследования представлена структурно-функциональным подходом к анализу роли вождей в системе политической власти Ганы, нормативно-правовым и институциональным анализом, применяемым для представления правового и административного измерения их деятельности, а также ретроспективным анализом, позволяющим представить эволюцию их полномочий, функций и, как следствие, политического влияния. На примере Республики Гана автор статьи показывает характерную для всей Западной Африки глубокую связь традиционных форм власти, сохраняющихся в племенных сообществах, и демократических институтов национальной государственной системы. Представленная в исследовании система отношений государственной и традиционной власти демонстрирует парадокс, в соответствии с которым традиционная власть, по конституции, носит номинальный и символический характер и не интегрирована в систему

© Медушевский Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

государственных институтов, но в реальности выступает медиатором между государством и племенными сообществами, дублирует на неформальной основе многие функции муниципальных институтов и контролирует значительную часть национального земельного ресурса. Анализ, проведенный автором, показывает сохранение у вождей в Гане высокого уровня авторитета в племенных сообществах, что обеспечивает им возможность для реализации политического лоббизма и распространения политического влияния на национальную избирательную систему. В итоге автор констатирует, что неформальное участие вождей в политике, в значительной степени определяет результаты выборов в парламент страны и влияет на результаты президентских избирательных кампаний. В данной связи политический процесс в Гане предстает как квазидемократический и основанный на традиционных формах власти, выступающих неформальной платформой политической борьбы партий, политических и бизнес-элит.

Ключевые слова: Гана, конституция Ганы, вожди, политическое участие, традиционализм, партии, выборы

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Медушевский Н.А. Эволюция традиционной власти вождей в политическом управлении Ганы: исторический опыт и современный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 4. С. 816–832. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-816-832>

The Evolution of Chieftaincy Power in Ghana's Political Governance: From Historical Legacy to Contemporary Role

Nikolaj A. Medushevsky

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Lucky5659@yandex.ru

Abstract. The presented research provides an up-to-date view of the institution of traditional authority — the power of chiefs, in modern Ghana. Despite the fact that their political influence has changed over the course of history, Chiefs in Ghana are still politically authoritative figures, influence the electoral process, manage tribal lands and implement local, normatively unregulated forms of community governance and legal proceedings in the role of a «justice of the peace». This role of chiefs in society raises the problem of their political inclusion in the system of governance at different levels and their status as influencers in election campaigns. In this regard, the aim of the work is to study the modern political role of chiefs in the system of socio-political relations in Ghana with an emphasis on the historical transformation of this role in the postcolonial period. To this end, the author applies a structural-functional approach to the analysis of the role of chiefs in the system of political power in Ghana, a normative-legal analysis to present the legal dimension of their activities and a retrospective analysis to present the evolution of their powers, functions, and, as a consequence, political influence. The example of the Republic of Ghana, considered in this article, clearly demonstrates that even one of the most developed democratic systems in Africa has a pronounced traditionalist political dimension. Despite the fact that the country's constitution does not allow chiefs to participate in elections at all levels as candidates,

the political reality demonstrates their deep involvement in the political process on an informal basis. Authority in tribal communities and the right to dispose of the historical land of the tribe makes them priority agents of political influence in the national electoral system. As the study shows, it is their support that largely determines the victory of not only members of parliament, but also presidents of the country. In this regard, the political process in Ghana appears as quasi-democratic and based on traditional forms of power, which act as an informal platform for the political struggle of parties and elites.

Keywords: Ghana, Ghanaian constitution, chiefs, political participation, traditionalism, parties, elections

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Medushevsky, N.A. (2025). The evolution of chieftaincy power in Ghana's political governance: From historical legacy to contemporary role. *RUDN Journal of Political Science*, 27(4), 816–832. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-4-816-832>

Введение

Африканские общества, получившие независимость лишь во второй половине XX в., во многих случаях сохранили выраженную связь с традиционными формами политического управления, сложившимися еще в доколониальный период. Во многом сохранение связи политических систем с традиционными институтами власти, в том числе вождями, обусловлено спецификой организации самих африканских обществ, которые в большинстве случаев слабо интегрированы политически и разделены по этнокультурному, религиозному и территориальному признакам. В них сохраняется традиционная самоидентификация граждан по племенному, клановому и родовому признаку, которая, в свою очередь, закрепляет внутреннюю стратификацию и систему традиционной власти, представленной вождями (королями), родовой аристократией, старейшинами, племенными советами и другими институтами традиционной власти. Сохранение данных моделей локального управления вряд ли можно считать атавизмом, так как носители традиционной власти часто сохраняют реальные полномочия, пользуются авторитетом и почитаются как символ сообщества и хранитель его идентичности. Кроме того, в условиях часто возникающей национальной политической нестабильности такие традиционные лидеры мобилизуют возглавляемые ими сообщества для защиты, самообеспечения, а в некоторых случаях и для войны.

Высокий локальный авторитет вождей заставляет государственную власть считаться с их интересами под угрозой сепаратизма, но в то же время проводить политику недопущения сращивания институтов традиционной и государственной власти, обратной стороной которого становится распространение этнизма и дискриминации в государственной политике.

В итоге диалог государственной и традиционной племенной власти превращается в сложную систему политического балансирования между обеспечением лояльности вождей и сдерживанием их политических амбиций.

Одной из стран Африки, где данная политика получила активное воплощение и может характеризоваться как успешная, является Республика Гана. Однако и здесь власть традиционных лидеров остается фактором политической напряженности и объектом дискуссий о роли, которую вожди должны играть в политической жизни страны.

Методология и историография проблемы

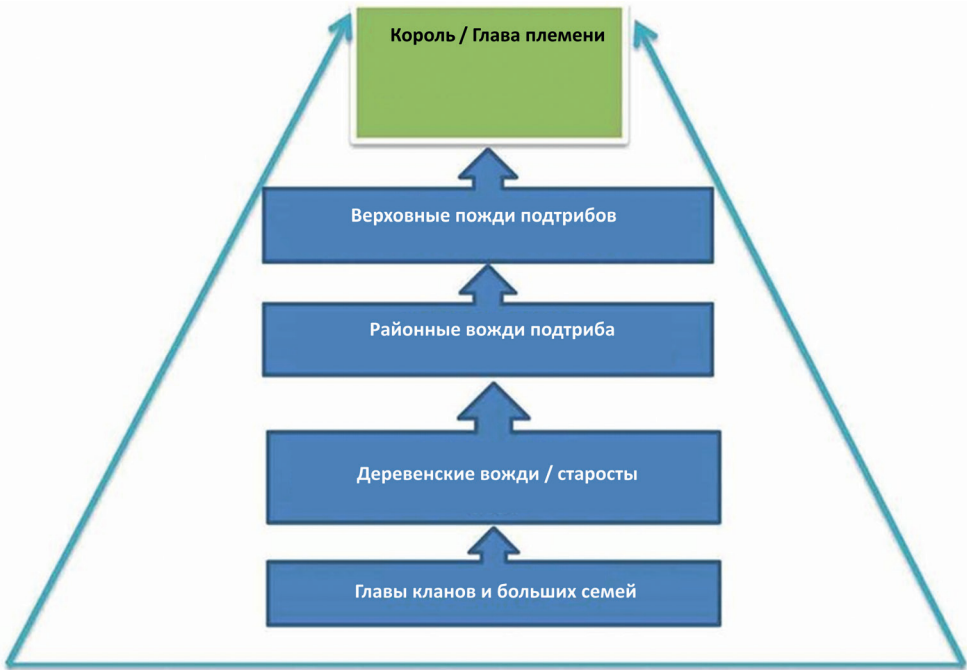
Проблема традиционной власти в современной Гане активно изучалась в 1960-е гг., когда происходило строительство государства, и после завершения авторитарного периода истории — в 1990–2000-е гг. Несмотря на обилие работ, развитие политического контекста страны сохраняет актуальность таких исследований и сегодня, в том числе и в России, заинтересованной в расширении диалога со странами Африки. В современной российской историографии власть вождей в африканских обществах, в том числе в Гане, рассматривалась фрагментарно, например, в работах Н.А. Ксенофонтовой [Ксенофونتова 2023], Г.М. Сидоровой [Сидорова 2015], А.Д. Иванова [Иванов 2024], а также в статье А.В. Коротаева, Л.М. Исаева и А.Р. Шишкиной [Коротаев, Исаев, Шишкина 2023] и в нашей статье о выборах в Гане 2024 г. [Медушевский, Вишняков 2025].

В иностранной историографии, особенно среди ганских исследователей, количество публикаций значительно выше, в том числе показательны работы К.С. Аманора [Amanor 2022], И. Гьямпо [Gyampo 2011], И. Овуса-Менса [Owusu-Mensah 2013], Дж.У. Качима [Kachim 2020], С. Берри [Berry 2013], Р. Ресбона [Rathbone 2000] и др.

Представленное в данной статье исследование опирается на структурно-функциональный подход в анализе роли вождей в системе политической власти Ганы. Для изучения правового контекста проблемы автором применяется нормативно-правовой анализ. Также для изучения трансформации статуса вождей после образования государства Гана автор прибегает к применению ретроспективного анализа изменения их полномочий с момента получения страной независимости.

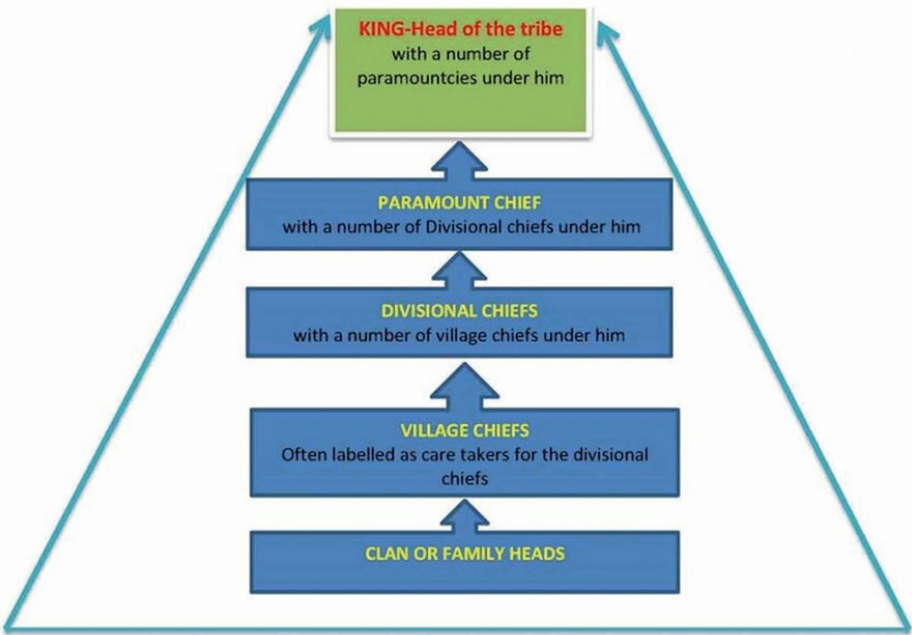
Законодательство Ганы как источник политического порядка власти вождей

Гана по конституции является президентской представительной демократической республикой, в которой президент страны является одновременно главой государства и главой правительства. Законодательная власть сосредоточена в руках однопалатного парламента. Судебная власть представлена судами различных инстанций. Все три ветви власти независимы друг от друга, что обеспечивает соблюдение принципа разделения властей. Несмотря на демократический характер институциональной модели, она выстроена в традиционном обществе с выраженной племенной дифференциацией населения. Исторически каждое племя управлялось вождями, династии которых сохраняются и сегодня. Иерархия традиционной власти представлена на рис.

Иерархия племенной власти в Гане

Источник: Ghana's traditional power structure and hierarchy. URL: https://www.google.ru/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fwww.researchgate.net%2Ffigure%2FGhanas-traditional-power-structure-and-hierarchy_fig1_324095201&psig=AOvVaw1pDDP37ZoQexUKLPP213t9&ust=1755890690715000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CBUQjhqxqFwoTCKik99jQnI8DFQAAAAAdAAAAABAE (accessed: 28.05.2025).

Ghana's traditional power structure

Source: Ghana's traditional power structure and hierarchy. Retrieved May 28, 2025, from https://www.google.ru/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fwww.researchgate.net%2Ffigure%2FGhanas-traditional-power-structure-and-hierarchy_fig1_324095201&psig=AOvVaw1pDDP37ZoQexUKLPP213t9&ust=1755890690715000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CBUQjhqxqFwoTCKik99jQnI8DFQAAAAAdAAAAABAE

Система традиционной власти в каждом племени сохранилась, однако формально вожди всех уровней данной иерархии выполняют лишь презентационную функцию и никак не интегрированы в структуры государственной, региональной или муниципальной власти. Тем не менее реальная ситуация такова, что вожди племен тесно связаны с государственными институтами на неформальной основе, что ставит вопрос о специфике данной связи и объеме реальной власти у племенных лидеров.

Современная конституция Ганы, принятая в 1992 г.¹ в разделе 22, регулирует статус вождей. В соответствии со ст. 270 «вождь — это лицо (мужчина или женщина (королева-мать)), происходящее из конкретного рода (племени), которое было должным образом избрано и короновано в данном сообществе на основе обычного права»². Конституция гарантирует признание института «вождей» и института «традиционных советов» (совет племени / сообщества) как органов локального самоуправления, но запрещает вождям участвовать в деятельности политических партий. Также есть набор ограничений, запрещающих лицу избираться вождем. В их числе: «государственная измена, тяжкое правонарушение, мошенничество или аморальное поведение»³, причем ни одно ограничение в конституции не конкретизируется.

В основном законе Ганы статус вождей защищен, и ст. 270 ч. 2. запрещает парламенту принимать законы, умаляющие честь и достоинство института вождей.

Согласно ст. 271, в Гане действует Национальная палата вождей, члены которой избираются региональными Палатами вождей, в каждой из которых заседает по пять вождей, избранных от региона, либо меньше, если в регионе нет пяти вождей.

Полномочия Национальной палаты вождей закрепляются конституцией страны в ст. 272. Согласно данной статье, Национальная палата вождей должна консультировать любые органы государственной власти по любому вопросу, связанному с властью вождей; проводить толкование и кодификацию обычного права для создания свода норм обычного права и линий наследования, применимых к племени, которое представляет вождь; проводить оценку обычаев и обрядов с целью устранения «устаревших и социально вредных» из них (не конкретизировано); выполнять другие функции, не противоречащие функциям, возложенным на Палату вождей региона. Таким образом, Национальная палата вождей — это совещательный орган, необходимый для осуществления прямой связи между государственными институтами всех уровней и племенными системами традиционной власти.

Несмотря на то, что власть вождей регулируют локальные системы обычного права, данные системы вписаны в общенациональную правовую систему

¹ Chieftaincy / Constitution of Ghana. Ghana Official Portal. URL: <https://web.archive.org/web/20080416045924/http://www.ghana.gov.gh/ghana/chieftaincy.jsp> (accessed: 28.05.2025).

² Ibid.

³ Ibid.

через полномочия по апелляции, прописанные в ст. 273 конституции страны. Согласно положению конституции, если вопрос не решается Региональной палатой вождей, он переходит на рассмотрение в Национальную палату вождей, и далее, при необходимости, может быть передан в Верховный суд Ганы⁴. В региональной и Национальной палатах для работы с апелляциями действуют собственные судебные комитеты, работающие при поддержке генерального прокурора страны.

Институт апелляции и судебных разбирательств в отношении власти вождей является основной системой решения споров неуголовного характера, так как правовая связь системы внутриплеменного обычного права и государственного законодательства относительна. В этой связи политика государства в отношении вождей и советов вождей двух уровней направлена на формализацию связей. Так, принципиальное внимание конституция уделяет принципу кодификации норм обычного права в каждом племени, за что отвечает не только каждый вождь, но и Региональные советы вождей.

Кроме того, принципиальным вопросом, имеющим государственное значение, является вопрос об избрании вождя и регулировании споров, связанных с избранием. В ст. 274 конституции закреплено, что Региональная палата вождей не только консультирует органы власти по вопросам власти вождей, но и рассматривает обращения традиционных советов в своем регионе по поводу назначения, избрания, выбора, утверждения или отстранения человека от должности вождя, а также обладает юрисдикцией первой инстанции по всем вопросам, связанным с престолом (верховным табушетом или шкурой, чей статус является священным и которые, по вере местных племен, в рамках систем гадания, сами определяют достойного стать вождем).

Причина, по которой столь большое внимание уделяется спорам о престолонаследии, связана с непрозрачностью процедур и существованием в племенных сообществах собственных клановых группировок, продвигающих кандидатуры своих лидеров. В критических ситуациях подобные споры имеют тенденции перерастать в клановые междоусобицы или раскол племени.

С этой точки зрения, требования к региональным советам по арбитражу, а также кодификации норм обычного права, правил престолонаследия и атрибутов культуры, являются обоснованными и востребованными, как инструменты преодоления конфликтов в племенах «сверху».

В целом конституция Ганы в сфере регулирования власти вождей племен является достаточно гибкой и может подразумевать множество толкований, что удобно для удержания контроля государства над традиционными сообществами.

Во-первых, следует отметить право государства лишать человека статуса вождя, например, в связи с «государственной изменой или аморальным

⁴ Art. 273. Chieftaincy / Constitution of Ghana. Ghana Official Portal. URL: <https://web.archive.org/web/20080416045924/http://www.ghana.gov.gh/ghana/chieftaincy.jsp> (accessed: 28.05.2025).

поведением», где оба данных критерия являются крайне вариативными и могут быть задействованы даже при намеке на неподчинение государственной власти.

Во-вторых, обращает на себя внимание высокий уровень коллегиальности в практике политической деятельности глав племен. Действия Регионального и Национального советов вождей фактически вынуждают отдельных традиционных правителей следовать общим для всех принципам политического поведения, несмотря на то, что сами эти принципы не регламентированы. Заседая в советах, главы племен в продвижении племенных интересов вынуждены мимикрировать под общие для всех них неписанные правила, чтобы договариваться друг с другом в принятии коллегиальных решений. Таким образом, в советах вождей формируется неинституциональная модель с выраженным «кулуарным сегментом» и разветвленной системой неформального лоббизма.

В-третьих, главы племен ограничены от партийной политики под страхом потери своего статуса вождя, признаваемого государством. Данное требование конституции обосновано запретом на создание и деятельность этнических партий, что должно препятствовать углублению этнической конфронтации в парламенте страны или региональных собраниях. Здесь показательна ст. 276 конституции Ганы, которая сохраняет возможность выхода для вождей на более высокий политический уровень, так как у вождя есть право принять назначение «на любую государственную должность»⁵ (на общегражданских основаниях), что открывает отдельным вождям дорогу к исполнительной власти.

Практика реализации политических ограничений на участие вождей в политике Ганы

Исторически статус вождей в политической жизни племен на территории современной Ганы был близок к абсолютному и ограничивался только традиционной системой властных отношений раннефеодальных обществ. Колониализм трансформировал власть вождей в низовой элемент административной системы. Начало политики регулирования власти вождей относится к 1878 г. и представлено «Указом о местной юрисдикции». Указ создал иерархию, по которой лидеры племен были назначены главными вождями (chiefs), имевшими в подчинении вождей более низкого уровня (sub-chiefs). Вожди сохраняли определенную судебную власть над населением [Elias 1962], но высшей инстанцией выступали колониальные суды [Benion 1962]. Также вожди осуществляли законосовещательную власть в колонии, с 1916 г. являясь членами Законодательного совета (в него вошли вожди Аким Абуаквы, Аномабо и Анлоги) [Kimble 1965]. В 1927 г. локальные полномочия вождей были расширены [Apter 1963] и в таком положении оставались до избрания первого правительства Ганы в 1951 г.

Избрание правительства было связано с реорганизацией исполнительной власти и созданием государственной системы местного самоуправления

⁵ Art. 276. Chieftaincy / Constitution of Ghana. Ghana Official Portal. URL: <https://web.archive.org/web/20080416045924/http://www.ghana.gov.gh/ghana/chieftaincy.jsp> (accessed: 28.05.2025).

и земельного контроля, которая отняла у вождей большую часть исполнительных полномочий в пользу народа Ганы [Rathbone 2000]. В период диктатуры, продлившейся до 1992 г., ситуация оставалась практически неизменной.

И. Гьямпу высказывает в своей статье мнение, что политическая роль вождей к 1992 г. настолько снизилась, что конституция 1992 г. и Закон № 574 «О политических партиях» 2000 г. не ограничили право вождей на власть (так как ограничение уже существовало и раньше), а, наоборот, гарантировали, что правительство не вмешивается в дела вождей в сфере их сохранившихся компетенций местного самоуправления и управления земельными ресурсами племени [Gyampo 2011].

Тем не менее, несмотря на принудительную деэтнизацию политики, власть вождей в регионах сохраняла свое значение, и в условиях демократизации, начавшейся в 1992 г., вожди стали важными акторами политического влияния, а конституционные ограничения во многих случаях соблюдаются ими только в соответствии с буквой, но не духом закона [Gyampo 2011].

Здесь показательны исследования таких авторов, как Анса-Кои [Ansa-Koi 1998] и Боафо-Артура [Boafo-Arthur 2001], которые уже по итогам вторых выборов в Республике в 1996 г. отмечали политическую активность вождей и игнорирование ими конституционного требования. Во многом это говорит об осовременивании вождей и нарушении ими традиций [Boateng 2020], так как согласно традиции, вождь — это одновременно политический, военный и духовный лидер, чья власть сакральна.

В данной связи Боатенг отмечает, что вождь просто не может заниматься публичной политикой, так как это унизит его достоинство, с ним будут спорить, над ним могут насмехаться и его воля и власть перестанут быть абсолютными и авторитетными [Boateng 2020]. Исходя из этого, Анса Кои делает вывод, что конституционный запрет для вождей участвовать в партийной политике представляет собой защиту статуса и традиции их почитания, ставя их выше политики [Ansa-Koi 1998].

Представленные основания для запрета вождям заниматься политикой защищают традицию, но не учитывают реального лишения вождей традиционной власти, что безусловно является контраргументом, стимулирующим их политическую активность. Так, после 1996 г. участие вождей в национальной политике стремительно росло, чему способствовали как развитие сферы неформального лоббизма, так и амбиции самих вождей, столкнувшихся с серьезными ограничениями своей локальной власти и оттоком «подданных» в крупные города. Данные проблемы поставили вопрос о сохранении авторитета их традиционного лидерства, следствием чего становится «скрытое включение» вождей в большую политику.

Включенность вождей в политику через реализацию официальных и полуофициальных полномочий

Несмотря на сокращение формальных полномочий, вожди в ганском обществе сохраняют авторитет среди населения, более 85 % которого относит себя к определенным вождествам [Gyampo 2011]. В связи с данным положением вожди выполняют ряд функций⁶, значимых для политики и стимулирующих их политическую включенность. В конституции закреплено две функции вождей. Первая — это консультативная, в соответствии с которой в рамках региональных палат и Национальной палаты вождей вожди консультируют все органы власти. Данная деятельность связана с социальным и экономическим лоббизмом.

Вторая роль, отмеченная в конституции, — это представительская (традиционная). Вождь не только представляет свое сообщество, но и является хранителем его традиций, являясь объектом широкого почитания и уважения «подданных». Подобный статус позволяет вождю мобилизовывать членов своего сообщества для решения определенных задач, как правило, неформального характера. Обладание данным ресурсом делает вождя ценным партнером политических сил в агитации и пропаганде.

Третья роль, не обозначенная в конституции, — это посредничество между государственной властью и сообществом племени. Данная роль выражается в транслировании вождем важной для государства информации напрямую гражданам. Выполнению данной роли способствует глубокая включенность вождя в социальные отношения своего сообщества.

Четвертая роль (также неформальная) — продвижение региона и привлечение инвестиций. Выполнение данной роли обусловлено заботой о «подданных», которая находит выражение в деловой активности вождя, проводящего на многочисленных мероприятиях переговоры о реализации проектов и их финансировании. Во многом данная роль связана и с личной экономической выгодой вождя, как правило, владеющего на подчиненной ему территории значимым имуществом.

Пятая роль⁷, реализуемая вождем, связана с разрешением споров как неформальным, но авторитетным судьей, к которому «подданные» обращаются в первую очередь. Более того, даже органы полиции, при необходимости урегулирования локальных конфликтов, обращаются к вождю как к авторитетному арбитру. Данная роль вождя также имеет политическое измерение, так как она способствует наращиванию авторитета и не исключает возможности решения споров в интересах самого вождя. Кроме того, данная функция, как и многие другие, требующие участия вождя, является прибыльной, так как за свое участие вождь получает благодарность в виде денег и иных материальных благ.

⁶ The role of chiefs in modern government in Ghana Chester Morton // Virtual Kollage. 30.06.2016. URL: <https://www.virtualkollage.com/2016/06/the-role-of-chiefs-in-modern-government.html> (accessed: 28.05.2025).

⁷ Примечание: информация подтверждена интервью автора с представителями традиционной власти сообщества анло (Гана 2024). Интервью находится в архиве автора.

Шестая роль, несмотря на то, что замыкает перечень, вероятно, является самой политизированной. Она также основана на национальном законодательстве и связана с управлением землей, которая находится в доверительном управлении вождя и действующего при нем совета. Вожди имеют право выделять землю для любого вида использования, что порождает крайне непрозрачную схему принятия решений, особенно когда речь идет о строительстве коммерческого объекта, создании плантации или добыче полезных ископаемых.

Племенные земли, полномочия вождей и политика

Современная роль вождей в управлении земельными ресурсами требует отдельного раскрытия, так как является основой ресурсной базы вождеств и определяет сохранение и расширение их политического влияния.

Право вождя распоряжаться землями племени является историческим. В колониальный период вожди имели право распоряжаться историческими землями по своему усмотрению, но при условии преференций для колониальной администрации. Колониальная гарантия власти вождей повышала их лояльность администрации, но подрывала их авторитет в глазах молодых реформаторов, выступавших за деколонизацию и видевших в вождях реакционную силу [Asiamah 2000]. В ряде регионов в период с 1949 по 1952 г. против вождей даже вспыхивали народные протесты, требовавшие упразднить систему вождеств [Amamoo 1958].

Кваме Нкрума, пришедший к власти в 1955 г., постепенно установил контроль над оборотом племенных земель и передал земли вождеств севера страны под управление государства [Rathbone 2000]. В то же время вожди южных районов сохранили контроль над традиционными землями, что было обусловлено фактором политической лояльности. Установление государственного контроля фактически заблокировало социальное развитие в сельской местности, основанное именно на деятельности вождей по управлению землями.

После переворота 1966 г. полномочия вождей начали возвращаться как в сфере местного самоуправления, так и в сфере контроля над природными ресурсами и землей. Данное включение в политический процесс привело к активному участию вождей в земельной политике, которую они вели от лица государства.

Во время реформ 1990-х гг., направленных на повышение эффективности управления землей, вожди окончательно приняли на себя роль медиаторов государственной политики в вопросах управления земельными ресурсами племенных сообществ. Также еще с 1970-х гг. институт вождей начал активно срастаться с политической и бизнес-элитой страны на уровне семейных связей. На должности вождей выбирались представители бизнеса, происходящие из конкретного клана, и сами бизнесмены искали возможность избраться вождями. Тенденция привела к укрупнению вождеств, так как сообщества отдельных кланов стремились приобщиться к успешным лидерам [Arhin 2001].

Росту влияния вождей способствовала проводимая ими при сотрудничестве с государством в 1970–1980 гг. политика по развитию коммерческого фермерства, в рамках которой сельскохозяйственные угодья передавались отдельным аграриям под выращивание торговых культур, например риса. В данных проектах роль государства сводилась к поощрению аграрного предпринимательства через предоставление льготных кредитов, что получило особенно широкое развитие на севере страны [Konings 1986]. В реализацию данного типа проектов включились, в качестве участников, и сами вожди, за счет кредитов государства, осваивавшие земли племени [Konings 1986].

Спекуляция земель и сращивание общественных функций и бизнеса привели к росту политического статуса вождей и обеспечили окончательное возвращение к ним контроля над землями в 1979 г. В то же время следствием возврата земли вождям на севере страны стали конфликты между племенными сообществами по вопросу раздела территорий, так как отдельные сообщества захотели земельного самоуправления [Tsikata 2004]. Передел земель пробудил несколько этнических конфликтов, самым сильным, из которых стал конфликт между племенами конкомба, нанумба и дагомба [Kachim 2020].

Возникшие конфликты продемонстрировали опасность социальной дестабилизации, и для управления земельными ресурсами в начале 2000-х гг. были созданы секретариаты по управлению традиционными землями (CLS), включенные в состав института традиционной власти [Ubink 2008]. Новая система сделала систему более прозрачной, но фактически узаконила вождей в качестве организаторов распределения земли. Прозрачность и организованность системы повысили привлекательность земельных сделок для крупных компаний, чьи права в рамках купли-продажи оказались официально зафиксированы. В то же время вопрос обеспечения прав владельцев небольших наделов остался нерешенным, и более того, право на утверждение геодезических планов, которое получили вожди, открыло дорогу к спекуляции границами наделов в пользу крупных землевладельцев [Kasanga 2001]. Данное обстоятельство снизило доверие «подданных» к вождям, на что указывает интенсификация урбанизации, прогрессирующая до сих пор [Yaro 2012].

Кроме того, принятие вождями решений о распоряжении землей имело относительную легальность, так как сделки не являлись полноценной продажей, а предполагали механизм, трактуемый государством как аренда на срок до 90 лет.

Еще один механизм спекуляции землей связан с процессом урбанизации. В соответствии с ним в случаях, когда город расширяется за счет сельскохозяйственных земель племенного сообщества, данные земли возвращаются в распоряжение вождя. Данный механизм позволил вождям наживаться на строительстве недвижимости. Особенно актуальна оказалась в окрестностях Кумаси [Ubink, Quan 2008].

В итоге можно констатировать, что право на управление земельными ресурсами племен позволяет вождям выступать в роли крупных землевладельцев и получать прибыль от совершаемых сделок, что обеспечивает

сохранение их доминирующей роли на уровне локалитетов, подтверждает властные полномочия на уровне племени и делает их активными участниками как бизнес-процессов, так и государственных программ, направленных на поддержку фермеров, развитие сельской местности, строительство дорог и инфраструктуры.

Политическое влияние вождей и интерпретация запрета на политическое участие

Высокий авторитет вождей, их экономическая значимость, а также неформальные судебные полномочия в племенных сообществах формируют потенциал их политического влияния, а в некоторых случаях, и участия. При этом данное влияние не формализовано и, как следствие, государство не может предъявить конкретному вождю обвинение в политической агитации или манипулировании мнением электората. Это обстоятельство открывает для вождей возможность к политической спекуляции [Jonah 2003], которая имеет две основные формы. Первая представляет патронаж кандидата от партии через ограничение конкурентов. В данной модели вождь или группа вождей используют свое неформальное влияние для убеждения или принуждения альтернативных кандидатов отказаться от участия в выборах или участвовать номинально. Данная форма влияния направлена на продвижение во власть удобного для сообщества кандидата, обязанного своей должностью лично вождю и старейшинам [Guampo 2011].

Вторая модель — это патронаж через мобилизацию избирателей. В этой модели вождь призывает сообщество голосовать за «нужного» кандидата. Данный механизм применяется при условии высокой популярности вождя среди населения [Guampo 2011].

Включенность вождей в политику нашла подтверждение в соцопросе И. Гьямпо, в соответствии с которым 46 из 50 опрошенных депутатов парламента страны подтвердили влияние вождей на их избрание, причем в рамках предвыборной кампании к вождям обращались все 50 респондентов [Guampo 2011]. Также делают и все кандидаты в президенты страны, однако это всегда представляется как визиты вежливости и демонстрация почтения к традиционной власти.

Исследование Гьямпо продемонстрировало «номинальность» факта почтения на фоне прагматических целей, на что указывает реальная мотивация опрошенных парламентариев, 26 из которых были заинтересованы в мобилизации электората, а 17 — в подавлении оппонентов. Несмотря на влияние вождей на избрание опрошенных депутатов, все они заявили, что вожди должны следовать закону и не участвовать в избирательном процессе. Этот дуализм является вполне логичным, так как для политиков вожди выступают выгодным агрегатором электорального поведения, но их прямое участие неизбежно снизит возможности обычных кандидатов получить власть, так как вожди станут использовать подконтрольный электоральный ресурс для продвижения себя.

Исследование И. Гьямпо показало и обратную сторону электорального манипулирования. Так, 75 % опрошенных рядовых граждан заявили о том, что вожди должны участвовать в политике и иметь право избираться в рамках партийной системы.

Заключение

По итогам рассмотрения проблемы участия вождей в политике Ганы мы приходим к следующим выводам. Во-первых, согласно конституции, вожди не имеют полномочий к участию в электоральном процессе, хотя конституция закрепляет их номинальную традиционную власть в племенных сообществах.

Во-вторых, вожди обладают реальной, хотя и не всегда формализованной, властью над землей племени и над людьми племени, среди которых вождь может вершить правосудие по административным вопросам, выступая в качестве неформального мирового судьи. Данные неформальные или полужформальные полномочия определяют высокий социальный статус вождей и необходимость государственных институтов учитывать их мнение и интересы.

В-третьих, вожди проводят свою политику опосредованно, влияя на кандидатов и электорат в зоне своего контроля. Фактически данное влияние является прямым вмешательством в избирательный процесс, однако формально вожди остаются в зоне своих полномочий, так как работают с представителями своей группы номинально в интересах самой группы. Таким образом, участие вождей в политике соответствует букве, но не духу закона.

В-четвертых, сложившаяся ситуация неформального влияния на выборы, существующая еще с конца XX в., устраивает и политиков, и вождей, и само общество, воспринимаясь как часть политической культуры, и, более того, значительная часть населения считает, что политическое участие вождей должно стать официальным.

Все перечисленные выводы подводят к мысли о том, что в Гане сложилась квазидемократическая система, основанная не на борьбе электоральных предпочтений, а на противостоянии интересов вождей, а победа того или иного кандидата, даже на пост президента, зависит от того, какое количество вождей он смог склонить на свою сторону. В итоге мы можем сделать вывод о частично имитационном характере демократии, в реальности камуфлирующей сложную систему традиционалистских связей. Данная модель, безусловно, позволяет сохранять политический баланс между этническими группами, но не способствует формированию единой политической нации.

Поступила в редакцию / Received: 10.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 07.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

- Иванов А.Д.* История развития местного самоуправления в республике Гана // Закон и право. 2024. № 6. С. 77–80. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331> EDN: ZUNSAV.
- Коротяев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р.* Факторы социально-политической стабильности в Гане // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 4 (3). С. 316–331. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331> EDN: ZUNSAV.
- Ксенофонтowa Н.А.* Традиционная африканская культура в контексте современности: между архаикой и модернизацией // Азия и Африка сегодня. 2023. № 8. С. 79–82. <https://doi.org/10.31857/S032150750027145-1> EDN: GIVSIU.
- Медушевский Н.А., Вишняков М.Д.* Президентские выборы 2024 г. в Гане с позиции исторической преемственности национальных политических практик // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки». 2025. № 3. С. 11–15. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.03.24> EDN: EKQIWO.
- Сидорова Г.М.* Традиционная власть в политическом процессе демократической республики Конго // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. № 1 (3). С. 55–67. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-6-77-80> EDN: OWVOCS.
- Amatoo J.G.* The new Ghana: The birth of a nation. London: Pan Books. 1958. 145 p.
- Amanor K.S.* Land Administration, Chiefs, and Governance in Ghana // African Land Reform Under Economic Liberalisation / Ed. by Shinichi Takeuchi. Singapore: Springer, 2022. 199 p.
- Ansa-Koi K.* Walking a Political Tightrope: Chiefs, Chieftaincy and the 1996 Elections in Ghana // The 1996 General Elections and Democratic Consolidation in Ghana / J.R.A. Ayee (ed.). Accra: Gold-Type Ltd., 1998. P. 143–151.
- Apter D.* Ghana in Transition. Princeton: Princeton University Press, 1963. 463 p.
- Arhin K.* Transformations in traditional rule in Ghana (1951–1996). Accra: Sedco, 2001. 149 p.
- Asiamah E.A.E.* The mass factor in rural politics: The case of the Asafo revolution in Kwahu political history. Accra: Ghana Universities Press, 2000. 204 p.
- Benion F.A.R.* The constitutional law of Ghana. London: Butterworths, 1962. 527 p.
- Berry S.* Questions of ownership: Proprietorship and control in a changing rural terrain — A case study from Ghana // Africa: Journal of the International African Institute. 2013. Vol. 83. No. 1. P. 35–56.
- Boafo-Arthur K.* Chieftaincy and Politics in Ghana since 1982 // West Africa Review. 2001. Vol. 3. No. 1.
- Boateng K. Afranie S.* Chieftaincy: An Anachronistic Institution within a Democratic Dispensation? The Case of a Traditional Political System in Ghana // Journal of Development Studies. 2020. Vol. 17. No. 1. P. 25–47.
- Elias T.O.* Ghana and Sierra Leone. London: Stevens and Son Ltd., 1962. 334 p.
- Gyampo E.* Chiefs and electoral politics in Ghana's Fourth Republic // Ransford humanities review journal. 2011. Vol. 8. No. 1. P. 1–23.
- Jonah K.* The Electoral Response of Ghana's Traditional Rulers to their Subordination and Alienation in Local Governance // Local Government in Ghana: Grassroots Participation in the 2002 Local Government Elections / Nicholas Amponsah and K. Boafo-Arthur (ed.) Accra: Livog Ltd., 2003. P. 213–219.
- Kachim J.U.* The paradox of democratization in Africa: Chieftaincy, land rights and Konkomba exclusion in northern Ghana in the 1990s // Southern Journal of Contemporary History, 2020. Vol. 45. No. 1. P. 57–75.
- Kachim J.U.* The paradox of democratization in Africa: Chieftaincy, land rights and Konkomba exclusion in northern Ghana in the 1990s // Southern Journal of Contemporary History 2020. Vol. 45. No. 1. P. 57–75.

- Kasanga K., Kotey N.A. Land management in Ghana: Building on tradition and modernity. London: International Institute for Environment and Development, 2001. 34 p.
- Kimble D. A Political History of Ghana. Clarendon: Oxford University Press, 1965. 587 p.
- Konings P. The state and rural class formation in Ghana: A comparative analysis. London: Routledge and Kegan Paul, 1986. 391 p.
- Owusu-Mensah I. Politics, chieftaincy and customary law in Ghana // Tradition and justice / Ed. by G. Wahlers. Berlin: Konrad Adenauer Stiftung, 2013. P. 31–48.
- Rathbone R. Nkrumah & the Chiefs: Politics of Chieftaincy in Ghana, 1951–1960 (Western African Studies). Athens, Ohio: Ohio University Press, 2000. 200 p.
- Tsikata D., Seine W. Identities, inequalities and conflicts in Ghana. Oxford: University of Oxford, 2004. 52 p.
- Ubink J.M., Quan J.F. How to combine tradition and modernity? Regulating customary land management in Ghana // Land Use Policy 2008. Vol. 25. No. 2. P. 198–213.
- Yaro J.A. Re-inventing traditional land tenure in the era of land commoditization: Some consequences in periurban northern Ghana // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2012. Vol. 94. No. 4. P. 351–368.

References

- Amamoo, J.G. (1958). *The new Ghana: The birth of a nation*. London: Pan Books.
- Amanor, K.S. (2022). Land administration, chiefs, and governance in Ghana. In Takeuchi Shinichi (Ed.), *African Land Reform Under Economic Liberalisation*. Singapore: Springer.
- Ansa-Koi, K. (1998). Walking a political tightrope: Chiefs, chieftaincy and the 1996 elections in Ghana. In J.R.A. Ayee (Ed.), *The 1996 general elections and democratic consolidation in Ghana* (pp. 143–151). Accra: Gold-Type Ltd.
- Apter, D. (1963). *Ghana in transition*. Princeton: Princeton University Press.
- Arhin, K. (2001). *Transformations in traditional rule in Ghana (1951–1996)*. Accra: Sedco.
- Asiamah, E.A.E. (2000). *The mass factor in rural politics: The case of the Asafo revolution in Kwahu political history*. Accra: Ghana Universities Press.
- Benion, F.A.R. (1962). *The constitutional law of Ghana*. London: Butterworths.
- Berry, S. (2013). Questions of ownership: Proprietorship and control in a changing rural terrain — A case study from Ghana. *Africa: Journal of the International African Institute*, 83(1), 35–56.
- Boafo-Arthur, K. (2001). Chieftaincy and politics in Ghana since 1982. *West Africa Review*, 3(1),
- Boateng, K., & Afranie, S. (2020). Chieftaincy: An anachronistic institution within a democratic dispensation? The case of a traditional political system in Ghana. *Journal of Development Studies*, 17(1), 25–47.
- Elias, T.O. (1962). *Ghana and Sierra Leone*. London: Stevens and Son Ltd.
- Gyamp, E. (2011). Chiefs and electoral politics in Ghana's Fourth Republic. *Ransford humanities review journal*, 8(1), 1–23.
- Ivanov, A.D. (2024). History of the development of local self-government in the Republic of Ghana. *Law and Right*, 6, 77–80. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331> EDN: ZUNSAV.
- Jonah, K. (2003). The electoral response of Ghana's traditional rulers to their subordination and alienation in local governance. In N. Amponsah and K. Boafo-Arthur (Ed.), *Local government in Ghana: Grassroots participation in the 2002 local government elections* (pp. 213–219). Accra: Livog Ltd.
- Kachim, J.U. (2020). The paradox of democratization in Africa: Chieftaincy, land rights and Konkomba exclusion in northern Ghana in the 1990s. *Southern Journal of Contemporary History*, 45(1), 57–75.

- Kachim, J.U. (2020). The paradox of democratization in Africa: Chieftaincy, land rights and Konkomba exclusion in northern Ghana in the 1990s. *Southern Journal of Contemporary History*, 45(1), 57–75.
- Kasanga, K., & Kotey, N.A. (2001). *Land management in Ghana: Building on tradition and modernity*. London: International Institute for Environment and Development.
- Kimble, D. (1965). *A political history of Ghana*. Clarendon: Oxford University Press.
- Konings, P. (1986). *The state and rural class formation in Ghana: A comparative analysis*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Korotaev, A.V., Isaev, L.M., & Shishkina, A.R. (2023). Factors of socio-political stability in Ghana. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations*, 4(3), 316–331. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331> EDN: ZUNSAV.
- Ksenofontova, N.A. (2023). Traditional African culture in the context of modernity: Between archaism and modernization. *Asia and Africa Today*, 8, 79–82. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750027145-1> EDN: GIVSIU.
- Medushevsky, N.A., & Vishnyakov, M.D. (2025). Presidential elections in Ghana from the position of historical continuity of national political practices. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series «Humanities»*, 3, 11–15. (In Russian). <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.03.24> EDN: EKQIWO.
- Owusu-Mensah, I. (2013). Politics, chieftaincy and customary law in Ghana. In G. Wahlers (Ed.), *Tradition and justice* (pp. 31–48). Berlin: Konrad Adenauer Stiftung.
- Rathbone, R. (2000). *Nkrumah & the Chiefs: Politics of chieftaincy in Ghana, 1951–1960 (Western African Studies)*. Athens, Ohio: Ohio University Press.
- Sidorova, G.M. (2015). Traditional power in the political process of the Democratic Republic of the Congo. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia*, 1(3), 55–67. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-6-77-80> EDN: OWVOCS.
- Tsikata, D., & Seine, W. (2004). *Identities, inequalities and conflicts in Ghana*. Oxford: University of Oxford.
- Ubink, J.M., & Quan, J.F. (2008). How to combine tradition and modernity? Regulating customary land management in Ghana. *Land Use Policy*, 25(2), 198–213.
- Yaro, J.A. (2012). Re-inventing traditional land tenure in the era of land commoditization: Some consequences in periurban northern Ghana. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 94(4), 351–368.

Сведения об авторе:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки, главный научный сотрудник УМУНЦ прикладной африканистики, РГТУ; профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: Lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

About the author:

Nikolaj A. Medushevsky — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Modern East and Africa, Chief Researcher of the Center for Applied African Studies, Russian State University for the Humanities, Professor of the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: Lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)